

Дети Константиновские...

1972 год – год вступления...

Ну, а как нас было назвать в наши 15 лет?...

Да, именно в пятнадцать лет многие из нас одели морскую форму, форму курсантов мореходных училищ. (Я был исключением, думаю, не из 1500 курсантов, но из большинства точно: я эту форму начал носить с 12 лет в Горьковском детском речном пароходстве).

И с этого же возраста в Стрельне мы начали новую жизнь. Жизнь по Уставу Военно-Морского флота. Мы составляли сеть, так называемых, закрытых учебных заведений. По сути – военных...

В 15 лет я стал курсантом Ленинградского Арктического училища. А в 19 – младшим лейтенантом Военно-Морского флота (запаса). До старшего лейтенанта был при Балтийском, Черноморском и Тихоокеанском флотах. До пенсии же числился при Северном...

Наши командиры рот (наша рота была 13-й и 15-й) и преподаватели военно-морской подготовки (ВМП) были офицерами Балтийского флота. ВМП располагалось в правом, восточном крыле Константиновского Дворца (пос. Стрельна). А наше геофизическое отделение (ГФО) – в левом, западном. Над нами, выше этажами, располагалось отделение радистов (РТО).

Военному делу нас начали обучать с 16 лет. Мы подписали бумаги о неразглашении. Нам было запрещено особо распространяться о нашей военной подготовке. А уж если речь шла в разговорах с иностранцами – то мы обязаны были молчать совсем (а нас почти на всех отделениях готовили для работы на судах в заграничных рейсах).

У Константиновского дворца Стрельна 1974 год.

Zh...

Фото совместно с преподавателями и курсантами ЛАУ и Морской Академии штата Мэн, США. Я за начальником ЛАУ Писаревым А.В. (жмет руку начальнику американской академии).

Изучали мы лоцию и навигацию (наше ГФО), потому что военная наша специальность была при БЧ-Раз (БЧ-1 – штурманская боевая часть на военных кораблях). А также для службы на ГС (гидрографические суда вспомогательного флота ВМФ). Учили нас сбрасывать глубинные бомбы, запускать торпеды, управляться с зенитной установкой; регулярно ходили мы строем на стрельбы – из пистолета Макарова. Словом, учили и убивать. Как это и положено каждому военному человеку... Игры в *войнушку* на просторах густых сосновых боров и песчаных берегах Волги закончились...надо было определяться. Можно было пойти после училища на службу в армию или флот. Так поступило немало моих знакомых. И меня это несколько прельщало. Но однажды вдруг утихла эта очередная страсть, и я подумал про себя окончательно, навсегда:

- Военным быть – не моё! Согласен только на мирный труд! Да и достаточно прожил (целых четыре года!) по Уставу Военно-Морского Флота! Достаточно!

И только потом дважды был связан с военной службой. На Южном Сахалине я был внештатным корреспондентом газеты Краснознаменного Тихоокеанского пограничного округа «Пограничник на Тихом океане», а также с курсантами Невельского Клуба юных пограничников были на сборах на КПП «Невельск» и пограничной заставе «Перепутье» 52-го Сахалинского Рижского ордена Ленина погранотряда (в/ч 2067) в 1987-1988 годах.

Клуб юных пограничников. С нами пограничники КПП «Невельск» и ветеран Афганской войны. г. Невельск, Сахалинская область. 1987 г.

Южный Сахалин. На погранзаставе. 1988 г.

*Впрочем, этому предшествовал Клуб юных мореходов.
Лысково. 1986 г.*

А в 1989 году меня призвали на месяц-полтора в Петропавловск-на-Камчатке (Питер Два, Камчатский) на Тихоокеанский флот в качестве старшего лейтенанта на 393 ГМЦ (Гидрометцентр ТОФ) и гидрографическое судно ГС – 44 (в/ч 13194). Вот только тогда в июне мы и приняли присягу СССР, который развалился через год...Короче говоря, к 30 годам во мне утихла вся моя воинственная кровь викингов из Щании, варягов русских, гусаров французских, повстанцев польских, но начала закипать капля крови святого священника Аарона (אהרן הכהן) !... и я, может, стал бы даже *пацифистом*, но, как вы понимаете, мое происхождение иное, потому начал распознавать Промысел Божий и все пути моего и нашего Творца...

*Камчатка. Тихоокеанский флот.
Поход на ГС-44 (гидрографическое судно). 1989 г.*

Но вернемся в «систему» - в Ленинградское Арктическое училище Министерства Морского флота...

Жизнь в училище – серые будни курсанта. Подъем, построение; строем на камбуз – в огромную столовую, где мы завтракали, обедали и ужинали. И первые два курса сводило желудки от голода...мы набивали карманы кусками хлеба, а на поверке-построении старшины и командиры требовали вывернуть карманы; и хлеб забирали...

К своему удивлению, именно курса со второго (со второго семестра) вдруг появилась сытость и от того, что давали. Чаше забежали в буфет училища, где продавали сладкие компот с булочками, которые казались пределом лакомства...

Фото Сергея Муравьева; радисты обедают.

По утру мы шли строем в свои учебные корпуса, в свои аудитории, где проходила другая половина нашей жизни. Учеба давалась не просто. Многие ребята были все-таки подготовлены неплохо, а вот мне лично досталось крепко: в школе я хоть и был «хорошистом», но уже на вступительных экзаменах понял, что мои знания весьма слабы для уровня нашего училища...

По этой, кстати, причине немало ребят ушло во время карантина. Карантин – время суровое: без увольнений, постоянно строевые занятия на плацу; к тому же голодный и холодный, ощущение не из приятных...зато «картошка» показалась верхом совершенства: мы ездили целых три курса (три года) в село Низино; основное занятие – подбор сельхозпродукции на совхозных полях; при этом зачастую мы прихватывали смертельно опасные урожаи от Первой и Великой Отечественной войн. Каждый год находили снаряды и даже мины... Но отдушина была не в том, что в Низино было послабление в дисциплине, а главная цель каждого курсанта, особенно салаги – совхозная столовая. Паек был, мне кажется, даже меньше, чем в

училище, но настолько вкусно и сытно готовили, что тарелки после приема пищи сверкали чистотой...

Так вот: в учебных корпусах у нас были аудитории, в которых мы и прожили-проучились почти четыре года!

Фото Ивана Швецова.

У каждого учителя свои любимые ученики, но и у каждого курсанта – свои любимые преподаватели.

Эру Иосифовну Волкович в училище знали почти все. Она нам преподавала аэрологию. В молодости она работала в ААНИИ (Арктики и Антарктики научно-исследовательский институт), что находится по сию пору в Санкт-Петербурге. объездила с ревизиями не один десяток полярных станций Арктики. А потом ушла в педагоги - в наше Арктическое училище...

Э.И. Волкович в своем кабинете аэрологии.

Она была и строгой и в то же время уважительно относилась к тем, кто жаждал знаний и был дисциплинирован и аккуратен. Мы ее и побаивались, но и любили. Именно она нас повезла на своем *Запорожце* с Сашей Цаплиным на экскурсию в морской порт. Другие наши ребята добирались, кажется, на автобусе, а нам выпала с Сашей такая честь... И уже на борту *Профессора Визе* она с упоением рассказывала о

жизни *научников*, о тех, кто работал в научных экспедициях на этом *пароходе* в самых разных океанах, в том числе и у берегов моей любимой Антарктиды...

- Не судьба, - горько думал я, - трудиться мне на научных пароходах. Мне не попасть в ААНИИ, потому что у меня ленинградская прописка закончится с окончанием училища...

Впрочем, Эра Иосифовна тепло всегда отзывалась и о полярниках Арктики. Она регулярно вспоминала о Провидении.

- Там такие сопки, ребята, такая красота. Я вышла из самолета и была потрясена!

- Вот бы побывать там и мне, - вновь желалось мне.

И чудное дело: хотя моя первая и единственная полярная станция была ГМО *Мыс Шмидта*, на Чукотке, но в Провидение я попал много позже, когда был тележурналистом-редактором Чукотского телерадиокомитета. А вот на *пароходах* тоже пришлось поработать. Только не в ААНИИ, а в ГОИНе – Государственном океанографическом институте, точнее в его отделении, которое находилось на Французском бульваре города Одесса.

А аэрологию мы изучали почти три года из четырех. Отрабатывали навыки, стремились дойти в работе до автоматизма.

Но когда были на производственной практике в Арктике, то поняли, что так многого не знаем и не умеем. Хотя на *полярках* старшие товарищи (кстати, преимущественно все бывшие *лаушники*, но разных годов выпуска), сразу оговаривались:

- Все чему вас учили в системе – забудьте! Тут вам придется начинать с нуля!...

И это было отчасти правдой! Потому что одно дело, когда ты в уютном кабинете Константиновского Дворца, в любимой Стрельне под Питером, пытаешься

заработать хорошую или отличную оценку от своего любимого преподавателя; и совсем другое, когда ты, как *часовой погоды*, несешь необходимую информацию для летчиков, моряков, ракетчиков, работая и на Министерство обороны (в том числе), и для наук: аэрология, метеорология, синоптика, - для всей страны и для всего мира (в Атлантическом океане впоследствии мы работали и на Всемирную метеорологическую организацию). А еще: суровые условия Крайнего Севера, который не прощает самолюбия и надменности в отношении к своей природе и к своим людям...

А пока мы учились...

Изучали и метеорологию и гидрологию. И геодезию. И синоптику.

По синоптике у нас была Ванда Вадимовна Мальшевская. Ее кабинет был оборудован чуть ли не по последнему слову тогдашней техники. Зачет или экзамены она принимали по качеству нашего прогноза погода на сутки или трое суток.

Мы принимали синоптическую карту на соответствующем оборудовании; рисовали фронты, рисовали положенные значки, всматривались в температуры воздуха и направлений, и силы ветров. Составляли прогноз. Вот также и я однажды составил свой прогноз. Циклон двигался с Запада (именно оттуда, где я во второй половине 70-х годов работал на научно-исследовательских судах погода на точке «С» (Чарли). В Северной Атлантике). Мой прогноз мне понравился. А Ванда Вадимовна загадочно улыбалась:

- Что ж, товарищ курсант, завтра примем новую карту и увидим – насколько вы правы!

По всем законам физики и синоптики циклон, пройдя через нас (через Стрельну и Питер) должен был направиться с теми же почти параметрами далее на восток – что тут может быть иначе?!

На следующий день мы приняли новую карту. Смотрю на нее, затаив дыхание, а...циклона-то и нет...

Ванда Вадимовна смотрит на меня с сожалением.

(Правда ведь: очень похож на Марка Бернеса?!).

С детства у меня было много страстей. Две из них – английский и польский языки. Хотя в школе нам преподавали немецкий, но я самыми разными путями разузнавал об английском языке, слушал, разумеется, радио *из-за океана* в оригинале. Мое счастье было несказанно, когда в ЛАУ стал изучать именно английский. Дядя Сережа увидел во мне задатки филолога. И тут началось: он меня гонял по темам учебника, задавал свыше, направлял в лингафонный кабинет, куда никого не пускали, кроме радистов, для отточки навыков английского языка. Но при этом он мне мог легко поставить *тройку*, потому что для меня этот текст слишком прост...чтоб я не бахвалился и не возносился...

- Откуда у тебя такое добротное произношение? Ты же в Лондоне не был?

Конечно, я не был в Лондоне в те годы (много позже, уже в возрасте 50 лет...).

- Тебе надо трудиться, у тебя дар к языкам!

Невольно именно дядя Сережа направил ход моих мыслей, дабы в будущем мне поступать не в гидрометеорологический институт или в Высшее инженерно-морское училище имени Макарова (*Макаровка*), а именно идти на филолога. Поэтому так я рвался уже в море поступать в Одесский университет на факультет романо-германских языков. Но поступил в Горьковский государственный университет имени Лобачевского, на филологический факультет со специализацией: история русского языка и сравнительного славянского языкознания.

Что мне весьма помогло в моей как журналистской, так и писательской работе...

Да, к сожалению, о своем любимом *препобе* ничего не знал и не знали. Известно было только, что в свое время работал определенное время в Англии, в Лондоне. Поговаривали, в дипломатическом консульстве работал...

Что касается наших командиров рот и преподавателей на военном цикле, то они по характеру, конечно, были разные. И требования к нам у них были разные.

Если у тебя на лычке был первый курс, то к тебе относились с пониманием, осторожностью, щадяще. Но если у тебя уже были две лычки (две *сопли* покурсантски), то ты мог от офицера услышать в свой адрес такое, что хоть стой, хоть не стой, а падать не положено!!! Но надо прямо сказать, что мы чаще всего были достойны такого строго обращения, потому что нередко *чудИли* так, что *мама не горюй!*

Наш командир роты (*кэп*) Борис Петрович Журавлев был в звании капитан-лейтенанта. Жил он тогда в Кронштадте (куда и организовал однажды нам экскурсию). Не помню, что он делал на флоте, но по болезни был списан к нам, в ЛАУ. Он был простым, беззлобным. К нам он относился, в принципе, как к обычным детям, за которых ему приходилось отвечать. И иногда – по полной программе. Старшие по званию его за нас иногда жестко *мордовали*. Так, что было жалко на него глядеть...и у нас, у некоторых, просыпалась совесть... Когда наших командиров заставили поступить в высшие учебные заведения (волна такая прошла – у них у всех были средние военные образования), то Борис Петрович просил ему помочь с английским. Об этом узнали и другие офицеры училища. Хотя было у трудно со временем, но и им помогал до их третьего курса... *Дядя Сережа* (Грикович С.И.) был мной тоже доволен. Борис Петрович, когда он не ночевал в роте, разрешал мне разбираться с их контрольными в его офицерской комнате. В которую имел право входа только писарь ротный...Так я был представлен другому офицеру нашего училища. Кажется, я его застал в звании капитан-лейтенант. Хотя вскоре он получил капитана третьего ранга (у пехоты это майор). Поль Борисович Берестень. Про него складывали довольно нескромные частушки, потому что основная масса курсантов его не любила. Он был строг и подчас крут. И в то же время общительный, даже весельчак. Но службу знал, любил и требовал от других того же. Не помню какой он роты был командир. Могу ошибаться, но по-моему у электриков (ЭМО – электромеханическое отделение). На училищных разводах он лютовал. Обиды обидами, но к его досмотру поэтому приходилось готовиться усерднее!

Всех нюансов не знаю, но передаю, что услышал и запомнил. У Берестеня получился конфликт с курсантами, с частью курсантов, по-моему в его же роте. А надо сказать следующее: ГФО и СМО (судомеханическое отделение) – состояло из 15-летних поначалу (после 8-го класса, хотя были исключения: среди нас были ребята и после армии). А вот РТО и ЭМО – только после 10 класса принимали, то есть как минимум 17 лет парням было. И опять же – после армии некоторые. И вот конфликт у офицера был со взрослыми курсантами. (у нас несколько было даже в нашей роте под 30 лет! – это уже были такие *дедищи!*). Говорят, что Поля Борисовича уже поджидали, его *пасли*. Он раз ехал, как и мы многие в увольнении, на электричке. Курсанты были на взводе и во хмеле...видимо, была драка в тамбуре (двери тогда у электричек не закрывали автоматически). И его вытолкали на полном ходу из поезда... Убился от ударов во время падения... Я был вне себя тогда!... Многие ругались вслух. Не стесняюсь: ну, всякое бывает в жизни, повздорили, но, во-первых, он офицер, во-вторых, по возрасту много старше. В-третьих, какого вообще рожна?! Убивать?! Кто это сделал!? Будем искать! Замутились головушки курсантские... но все спустили потихоньку на тормозах...признали несчастный случай...

Словом, все непросто в любые времена...

Итак, занятия в Константиновском Дворце. Тяжелое усвоение нового материала знаний. Борьба с голодом и сном. Часов пять к ряду...

Наконец, обед. Идем строем!

Фото Александра Юдина.

Потом идем в родную роту!

- По трапу – бегом!!! – кричит старшина. И мы грохочем своими ботинками, поистрепанными на плацу, на четвертый этаж.

В темноту коридора, который мы называли *палуба*.

По-моему, личного времени было около часа. Затем одни собирались и уходили на самостоятельную подготовку (*сампо*) учить уроки на следующий день. А некоторые заступали на вахту.

- По трапу – бегом! Строиться на выходе!

И мы уже бегом вниз. Перед спальным корпусом (*казарма*) строимся. И идем в Константиновский Дворец. На *сампо*.

С уроками надо справляться. *Двойка* – это не просто плохая оценка! Отвратительная! Это значит, в субботу-воскресенье будешь сидеть в расположении училища, делать уроки, убираться в казарме и в своих кубриках... Одно утешение: камбуз! Ребята – мои братья, по-настоящему! – будут *рассекать* по Невскому проспекту, кто-то подается в Петергоф, в *Рамбов* (т.е. Ораниенбаум); старшие курсы, само собой, по танцулькам разбегутся...

А ты сиди со своей *двойкой* вместо кинотеатра *Художественный* в *ленинской комнате* и смотри программу *Время*...

Увольнения у нас бывают в субботу с 16-17 часов до 22. Опоздаешь: тебя будет ждать твоя швабра в ближайшие дни после 23 часов...

В воскресенье увольнялись с 10 утра, кажется, и тоже до 22 часов.

*В увольнении. 1 курс.
Март, 1973 год.*

*В увольнении. 2 курс. Лето 1974 года.
Провожаем горьковских на поезд
Ленинград-Горький.*

Радость была одна, как я уже оговорился: еда. Нас оставалось, недучников, немного, а накрывали поначалу на всю группу (взвод) и роту. Но потом тоже скумекали: с какого переляку этих салаг кормить за отсутствующих?! Пусть едят свои пайки, а то ожиреют...

Наша палуба – коридор роты...

Камбуз – вахта на камбузе – несбыточная мечта. Не помню, какие именно роты постоянно туда заступали, но наша рота была дежурной по камбузу один раз: чистили картошку, мыли палубу, расставляли посуду, убирали посуду, кому-то доверяли даже быть на посудомоечной машине – это такой огромный агрегатище! А как еще помыть посуду за тысячью курсантами...?!

Конкретно я жил в трех кубриках. Все они вмещали в себя по 20 курсантов. Два из них выходили на корпус электромехаников (там же и камбуз и буфет и высшее начальство), Константиновский Дворец.

Вид из окна из кубрика радистов. 5-й этаж. Фото С. Муравьева. Мы, ГФО, были на 4-ом этаже казармы.

А окна другого кубрика выходили в сторону Питера, но город был плохо виден. Зато была видна стройка. Строили Арктический факультет Высшего инженерно-морского училища (Макаровка).

Жили по-всякому. Пока были салагами-первокурсниками, имели место и мелкие стычки меж собой. И привыкать жить в большом кубрике – не легко. Зато уж через год – как дом родной. Вот моя *постель*, вот и тумбочка моя!...и вид хорош из окна....вот только спать приходится осенью и зимой, еще накинув на себя шинель...

Вот такие наши кубрики. Хотя это и радисты, но в нашей казарме все кубрики были однотипными. Так и жили в них 20 курсантов все четыре года...

Описываю день курсанта дальше.

Так вот: кто-то ушел на *сампо*. А кому-то пора собираться на вахту. И не так это просто – собраться...

Надо почистить пряжку ремня, как следует, чтоб солнцем сияла! Почистить и погладить брюки, голландку; тельняшка должна быть чистой, так же и гюйс! Носки по форме. Ботинки должны блестеть чернотой! Попросить товарища, чтобы состриг лишние волосья на голове...да еще: побриться! Так всего ж три еще волоса на подборке?! Сбрить!!! Борода потом вырастит...как, справитесь за час? А не все успевали на развод...

Развод проводит дежурный офицер. Фото Александра Юдина.

Пятиэтажный корпус – это и есть наша казарма.

Моя первая вахта – здание, где мы добывали кислород для резиновых оболочек радиозондов. Но мне не было 16 лет, поэтому ночью я не вахтил: приходил разводящий, и мы оставляли пост.

Зато уже со второго семестра мы несли вахту и в подвале нашей казармы, где были склады обмундирования, постельных принадлежностей и т.д.

Четыре часа бродишь по коридору подвала, потом – отдых; и опять – в подвал.

Несли мы вахту и на КПП у Константиновского Дворца. Сутки. Четыре часа через четыре. Иногда нас, впрочем, тоже снимали на ночь. Потому что в самом дворце было еще две вахты: в нашем крыле – ГФО и РТО, - и в правом – ВМП.

Затем мы уже вахтили дневальными по роте. И так по сменам, неделя через неделю, из года в год...

И еще одно дело было у курсантов ЛАУ – шлюпочная практика. У нас, у ГФО, она была, как и геодезическая практика, однажды, после первого курса. Выходили мы на шлюпках – ялах шестерках (шесть весел и гребцов) на Финский залив.

Фото Валерия Жевлакова.

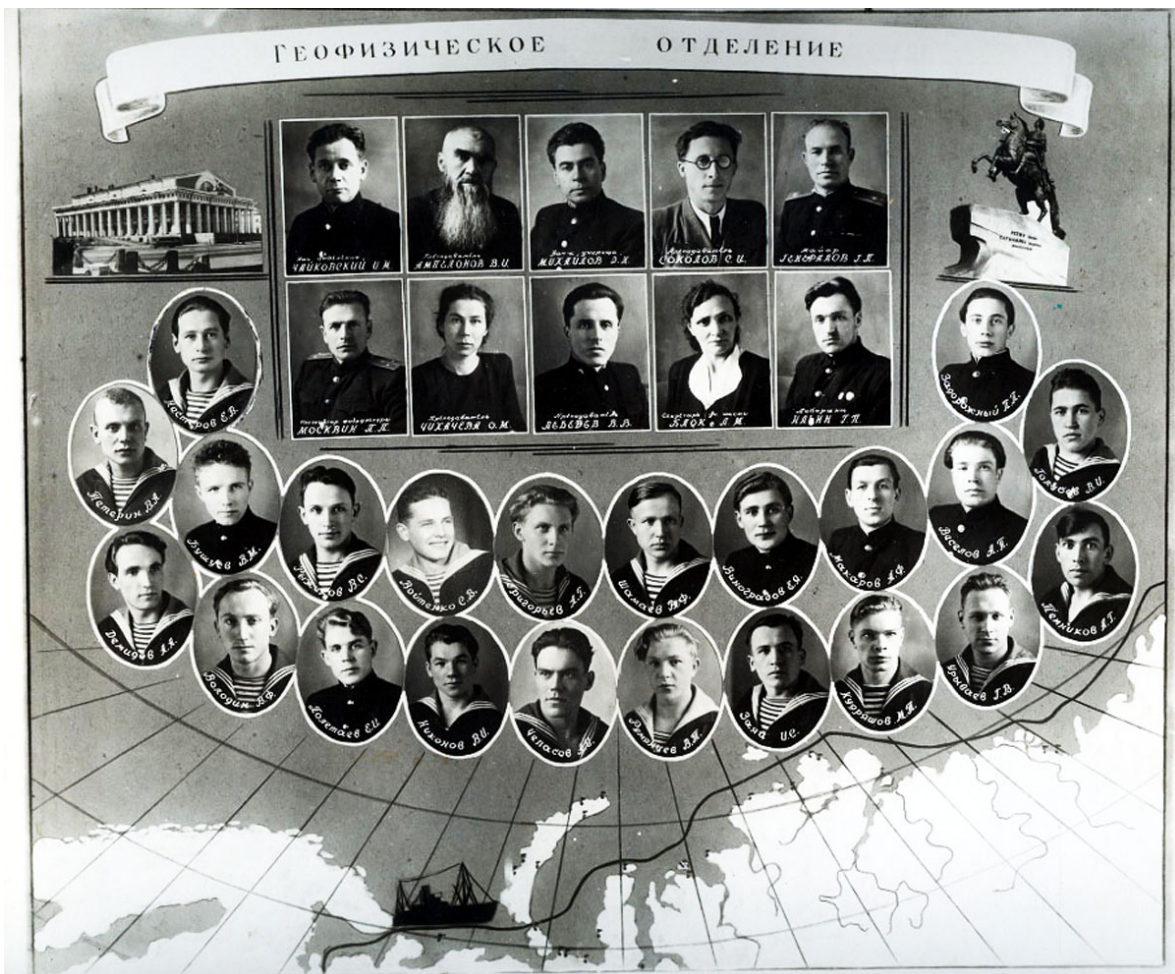
А эта часовня была как раз на том месте, откуда мы уходили в плавание на своих ялах. Она, конечно, была разрушена в советское время...

В Стрельне занимались рыболовством осташевские рыбаки, приглашённые еще Великим Князем Константином Николаевичем из Селигера в 1850-х годах. Так вот именно на средства Общества Осташковских рыбаков и была построена эта часовня. Кстати, в 1970-е годы в Стрельне существовал и рыболовецкий колхоз, с рыбаками которого я впервые вышел в Финский залив на мотоботах в мае 1973 года...

Первый же выпуск нашего училища, которое сперва находилось на Большой Охте, было в 1946 году. Мы относились к ГлавСевморпути. Это была серьезная организация стратегического назначения, направленная как для мирных исследований в Арктике, так и для обеспечения нанесения ударов тяжелыми бомбардировщиками и затем ракетами, понятно, по Северной Америке... Потому изначальная наша форма была в бескозырках и даже с оружием в руках...

*А эти две фотографии 1956 года; уже в Стрельне...
На фоне Константиновского Дворца...*

Вот такие наши лаушники были в 1956 году. Вадим Хилковский на фоне Конюшенного корпуса.

А это мы: ГФО, аэрологи. 1976 год. Незадолго перед выпуском.

1976 год. Меня поддерживают Андрюша Петров и Сережа Алексеев, а я сделал «уголок» - обе ноги параллельно полу... За мной - Сережа Шевцов, он еще трудится на кораблях ВМФ. А Алексеев - Почетный полярник СССР. Мы все еще живы; встречаемся; на связи!

А теперь пора рассказать о том, о чем я никогда в жизни и не представлял. И даже не слышал. **О Константиновском Дворце и Стрельне.**

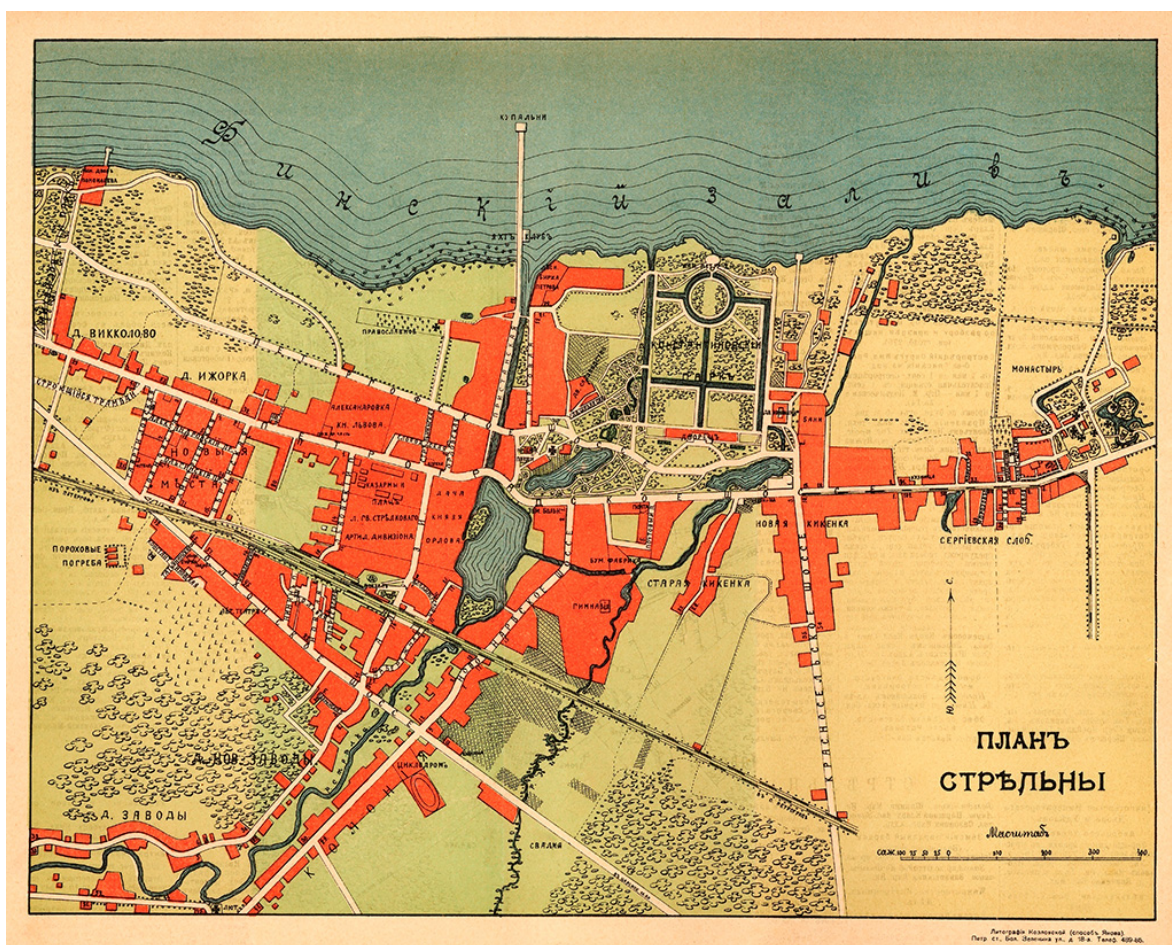
С детства я любовался фотографиями, которые мои родители привезли из Ленинграда. Фото 1950-х города на Неве. Наиболее меня всегда интересовала фото станции метро Автово. Да, художественно исполнена была станция. Но что-то будто большее меня с ней связывало...

Пока я не поехал до Стрельны из Питера.

Сначала метро с Московского (бывшего Николаевского) вокзала. До Автово. Дальше – на трамвай. № 36. И до конца! До Стрельны!

Прибыл в ЛАУ в день Святого Преображения Господня 1972 года. В престольный праздник Стрельны. Однако самого храма давно уже не было...

Интересную информацию (как и многие фотографии нашел на сайте Сергея Муравьева, выпускника РТО 1973 года, «Моремход») о самом начале Стрельны.

тогдашней немецкой моде: Стралл на Хофф (Strall na Goff). Потом это название трансформировалось в Стрелингоф.

В ходе Северной войны, когда земли Ингерманландии отошли к России, Петр I сразу оценил выгодное местоположение старинной мызы и оставил Стрелингоф за собой, решив здесь построить резиденцию "царя морей" - восьмое чудо света. Если современную карту Стрельны наложить на шведскую 1670-х годов, то нарисованный на ней дом Иоганна Шютте совпадает с современным положением Деревянного дворца Петра Великого в Стрельне. На шведской карте хорошо виден всем известный пруд под названием "стометровка", бывший Карпиев.

За речкой Кикенкой, где в начале XVIII века существовала усадьба А. Кикина, следует Стрельна, первое упоминание о которой делается в 1706 году, возникшая на месте шведской мызы Стрельна-хоф. Это место было выбрано Петром I в 1710 году в виду того, что протекающую здесь речку Стрелку легко было использовать для устройства фонтанов. В середине - второй половине 1710-х гг. в западной части будущего Константиновского парка построили личную усадьбу Петра I - небольшой дворец, церковь, оранжереи. Первые сведения о проекте большого стрельнинского ансамбля относятся к 1710 г., когда 27 мая Петр "в Стрелиной изволил по плану рассматривать место палатному строению, садам и прудам". В 1712 г. в Стрельне были основаны кирпичные заводы. Однако ансамбль начал создаваться только в 1715 году по проекту, составленному венецианскими мастерами-гидравликами, с участием французского садовника Годо. Работами руководил генерал-инженер Шиц, который по собственному проекту строил пристань-дамбу. Было создано искусственное русло Стрелки (400 м). В ее устье и строят пристань, а поскольку залив мелок, насыпают дамбу, делают причалы. Частично дамба сохранилась до наших дней. Строили ее крепостные и солдаты. На Стрелке были построены мельницы: мукомольная, пильная, шлифовальная (для шлифовки стекол). В движение мельницы приводились водяными колесами (диаметр до 5 м). Их техническая оснащенность была лучше, чем в других местах России. В начале XIX века они все сгорели. Остатки их свайного основания просматриваются и сейчас.

Тогда же началось сооружение будущего Орловского (Заводского) пруда - основного резервуара для действия будущих каскадов и фонтанов, подготовка местности для строительства дворца и Нижнего сада. Царь заказал грандиозный план дворца и парка в 1716 году принятому на русскую службу архитектору Б. К. Растрелли, затем Ж.-Б. Леблону. По его проекту началось преобразование обширных территорий в районе Стрельны. На основе лесного массива к юго-востоку от реки Кикенки создавали Большой парк, распланированный с помощью системы параллельных и радиальных просек, которые были "стянуты" в две гигантские звезды. Между реками Стрелкой и Кикенкой на верхней террасе разбивали Малый парк, или Лабиринт, а также "овощной сад". Продолжали подготовку к устройству регулярного Нижнего сада: выравнивали и подсыпали территорию, подрезали склон террасы, укрепляли берега каналов, засыпали русло Стрелки, прокладывали продольные и поперечные дороги, вдоль которых сажали тысячи деревьев. В июле 1717 г. после визита во Францию Петр фактически отменил реализацию леблонского проекта Нижнего сада.

Наконец, весной 1718 года на русскую службу был принят итальянец Николо Микетти, который поклялся устроить в Стрельне "чего ещё не бывало на свете". При разработке проекта им были использованы элементы планировки, выполненные ранее, - каналы и дороги по их берегам, поперечные аллеи, проложенные в

соответствии с замыслом Леблона. Микетти развил эту планировочную схему, придав ей суховатую правильность, которую несколько "разрядил" введением диагональных дорог и фигурных площадок на перекрестках. Им же были устроены еще один поперечный канал и партеры перед дворцом. В апреле следующего года Микетти приступил к реализации своего проекта в Стрельне. Летом 1720 года был заложен каменный дворец. Полным ходом шло строительство каменных подпорных стен террас с многочисленными водометами. Строительство Нижнего сада продолжалось до 1722 года. Однако вскоре установили, что болота, лежащие выше Петергофа, дают большее количество воды. То есть в Петергофе фонтаны могут быть гораздо выше. Вот почему Пётр сократил постройки в Стрельне. Незавершенный и оставленный без надлежащего ухода, сад начал приходить в упадок. Некоторые работы проводились в середине XVIII века. Своеобразным напоминанием о попытке восстановить ансамбль являются две пары пилонов ворот, возведенные Ф.Б. Растрелли в 1750-х годах.

Портрет императора Петра Первого.

Большой Стрельнинский (ныне известный как Константиновский) дворец был спроектирован Николо Микетти и заложен 16 июня 1720 г. До нашего времени здание дошло в основном таким, каким его задумал Микетти. Не были возведены лишь фигурные аттики над центром и боковыми крыльями, а также исчезли недостроенные галереи с башенками по сторонам дворца. Стрельнинский дворец выделяется среди других петровских резиденций, достаточно скромных и больше напоминавших загородные дома зажиточных немецких и голландских бюргеров. В нем наиболее последовательно отразились принципы итальянского барокко с его

стремлением к "грандиозному", пластическому богатству, смелым пространственным решениям. В этом отношении наиболее замечателен примененный Микетти прием тройной арки, прорезавшей здание посередине и обрамленной пучками колонн, несущих балкон сложных очертаний. Сквозь арку проходит главная ось ансамбля, на которую "нанизан" дворец (эту ось подхватывал не только канал Нижнего сада, но и центральная просека созданного Леблоном к югу от дворца Большого парка).

Строительство дворца энергично велось в 1720 - 1721 гг., затем его темпы резко упали. После отъезда Микетти на родину в 1723 году руководство строительством перешло к М. Г. Земцову. Основные работы по каменной кладке завершились к 1725 году. Со смертью Екатерины I работы полностью остановились. В 1730 году вчерне отстроенный дворец был законсервирован - накрыт временной кровлей, окна и двери забиты досками.

В Стрельне функционировало лишь оранжерейное хозяйство, поставляющее фрукты к императорскому столу, и поддерживался в исправном состоянии деревянный дворец, который иногда посещали царствующие особы. В середине XVIII века было предпринято несколько попыток завершить ансамбль, однако их не довели до конца. В 1751 - 1761 годах работы "по возобновлению" Стрельнинского дворца велись по чертежам и указаниям Ф.-Б. Растрелли. Он произвел в здании некоторые перепланировки, устроил большую парадную лестницу в восточном флигеле, однако работы вновь были остановлены. К концу екатерининского царствования дворец грозил разрушением.

Из-за отсутствия ухода к началу XIX века практически перестали существовать также Большой парк и Лабиринт.

Возрождение Стрельны началось в 1797 году, когда Павел I подарил ее своему сыну, великому князю Константину Павловичу. Дворец был достроен без изменения фасадов и заново отделан архитектором А. Н. Ворониным, растреллиевская барочная отделка была в значительной степени уничтожена и интерьерам придан облик, характерный для архитектуры классицизма. Из числа внутренних перемен важнейшей было разделение большого зала западного крыла на два этажа и отдельные помещения. В 1802 г. Воронихин восстановил западный флигель, в котором и расположился великий князь. В частности, архитектором здесь была возведена сохранившаяся до сих пор малая парадная лестница. Одновременно разобрали полуразрушенные галереи по сторонам дворца. Но в целом воплотить свой проект в жизнь Воронихину не удалось: произошедший 28 декабря 1803 г. пожар оставил от дворца одни стены. Больше к работам по дворцу Воронихин не привлекался. В 1804 - 1805 годах здание было восстановлено по проекту Луиджи Руска. Этот этап - важнейший в истории дворца, который наконец начал полноценное существование в качестве загородной великокняжеской резиденции. Руска ввел в композицию здания довольно существенное изменение, увенчав его бельведером, что подчеркнуло значение центрального объема и одновременно усилило доминирующее значение дворца в ансамбле. Внутри, как и предполагалось ранее, был полностью перестроен один из больших залов, однако Руска использовал свой вариант планировки. Здесь, в бельэтаже, появились параллельные анфилады парадных комнат. Новую отделку получили центральный Мраморный зал и Военная галерея (Голубой зал). Личные комнаты великого князя разместились на 3-м этаже, откуда открывались великолепные виды на залив.

Новый расцвет имения начался в середине XIX века, когда Николай I передал его своему сыну Константину Николаевичу. С этого времени дворец и парк стали называться Константиновскими. В 1847 - начале 1850-х годов архитекторы А. И. Штакеншнейдер и Х. Ф. Мейер реставрировали дворец, внося небольшие изменения. Так, на северном и западном фасадах, на уровне первого этажа, появились чугунные эркеры и переходные балконы. Заново были отделаны личные апартаменты великого князя и его супруги Александры Иосифовны в комнатах 1-го этажа. В восточном флигеле дворца была устроена церковь в честь святых равноапостольных Константина и Елены.

Генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич Романов, наместник Царства Польского (1862-1863 г.). Активный деятель в деле отмены Крепостного права на Руси. Управлял Российским флотом и морским ведомством на правах министра. В это же время ввел новую морскую форму. Именно в Константиновском Дворце была утверждена тельняшка, которая является гордостью и нынешних моряков...

Великий князь имел как и многие моряки, непрост характер. Считается, что именно Константин Николаевич был инициатором продажи части Русской Америки (Аляска вплоть до Калифорнии)...

*Хозяйка Дворца – великая княгиня Александра Иосифовна,
Супруга великого князя Константина Николаевича. Урожденная принцесса
Alexandra Friederike Henriette Pauline Marianne Elisabeth of Saxe-Altenburg.*

В 1843 - 1846 гг. по проекту архитектора Х. Ф. Мейера был произведен капитальный ремонт гота: укреплены его конструкции и сделана свинцовая гидроизоляция сводов. Однако по требованию Николая I в 1848 - 1849 гг. гот был вновь перестроен А. И. Штакеншнейдером, который заменил воронихинскую колоннаду аркадой. В таком виде это сооружение существует и сегодня. После завершения реконструкции на площадке террасы разбили клумбы; здесь появились скульптура, садовая мебель, фонтаны. На боковых частях установили фигуры львов и оленей. В 1862 г. боковые лестницы были выполнены в каррарском мраморе. После революции стоявшие перед дворцом статуи были разбиты и свалены в подвалах дворца, сад на террасе уничтожен. До войны на своих местах оставались лишь изваяния львов. В конце 1950-х гг. сильно поврежденный во время войны гот был частично реставрирован. Однако к концу XX века он пришел в аварийное состояние.

К востоку от дворца в 1848 - 1849 годах А. И. Штакеншнейдер по проекту скончавшегося в августе 1848 г. Х. Ф. Майера возвел Конюшенный двор, представляющий в плане каре, с трех сторон которого располагались конские стойла, а с западной - каретники. Над конюшенными отделениями находились сенники, и в угловых башнях - жилые помещения. Рядом с конюшнями по проекту Штакеншнейдера в 1850 г. возвели небольшую кузницу. Одновременно этим архитектором юго-восточнее конюшен был сооружен дворцовый погреб.

Константиновский Дворец во времена Российской Империи.

В этом Дворце жил также сын адмирала великий князь Константин Константинович, поэт, который подписывал свои мелодичные стихи К.Р. Он, кстати, был председателем Российского Географического общества. Последним же владельцем был его родной брат Дмитрий Константинович, который занимался лошадьми; имел отличных рысаков. Но был расстрелян большевиками в Петропавловской крепости только за то, что был из Рода Романовых. Кстати, он и родился 14 июня 1860 года именно в этом Дворце.

Великий князь Дмитрий Константинович. Генерал-майор, коннозаводчик.

Во Дворце некоторое время жила и Ольга Константиновна, королева Эллинов, после убийства в 1913 году ее мужа Георга I, короля Эллады. Она была единственной в истории Русского флота, удостоенной звания адмирала. Такой же чести она удостоилась и в Греции. Ее потомки по мужской линии в королевской семье Великобритании.

Королева Ольга в традиционном греческом наряде.

Великий князь Константин Константинович со своей семьей. Его сыновья: Иоанн, Константин, Игорь – в 1918 году были убиты в Алапаевске вместе с великой княгиней Елизаветой Федоровной. Сын Олег погиб на фронте Первой Мировой войны.

Дочь Татьяна была замужем за князем Константином Багратион-Мухранским, чье родословие возводится к святому пророку и царю Давиду Псалмопевцу (он был и в родстве с светлейшим князем Георгием Александровичем Грузинским из Лыскова Нижегородской губернии). Муж Татьяны также погиб в Первую Мировую войну.

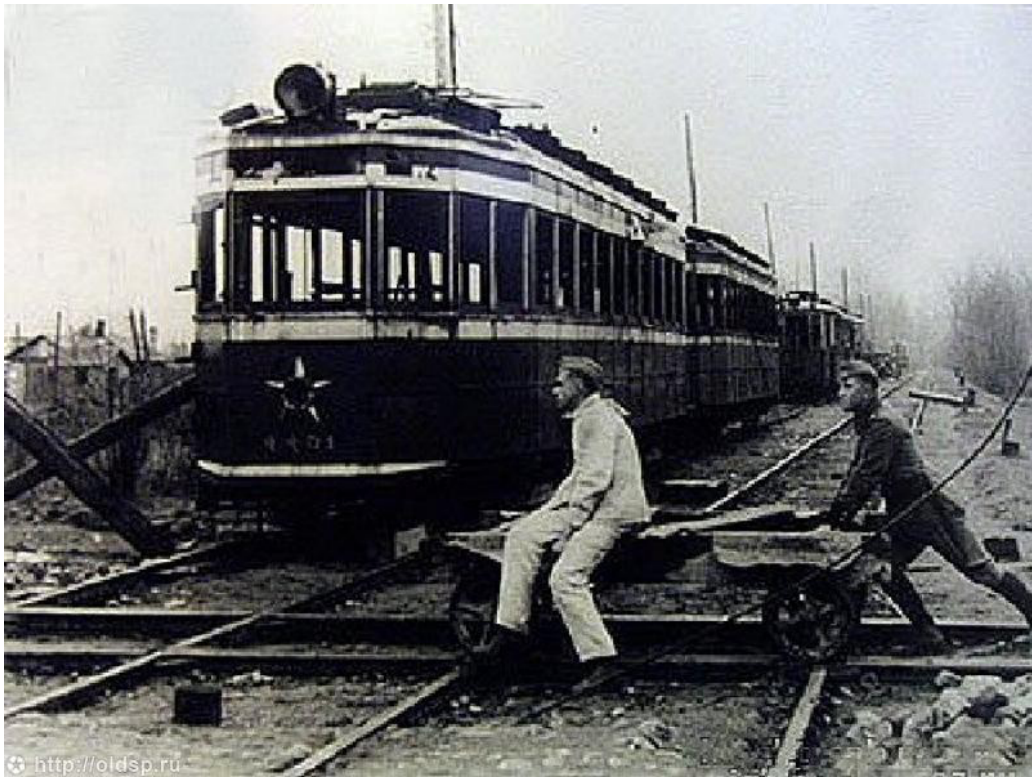

Овдовев, она приняла монашество и была до самой своей смерти игуменьей Тamarой в Елеонском монастыре (Израиль).

Не менее трагична судьба и самого Константиновского Дворца. Как уже говорилось выше, он сильно пострадал в Великую Отечественную войну.

Стрельна была освобождена от фашистов в январе 1944 года...В оккупации находилась с сентября 1941 года...

<http://oldsp.ru>

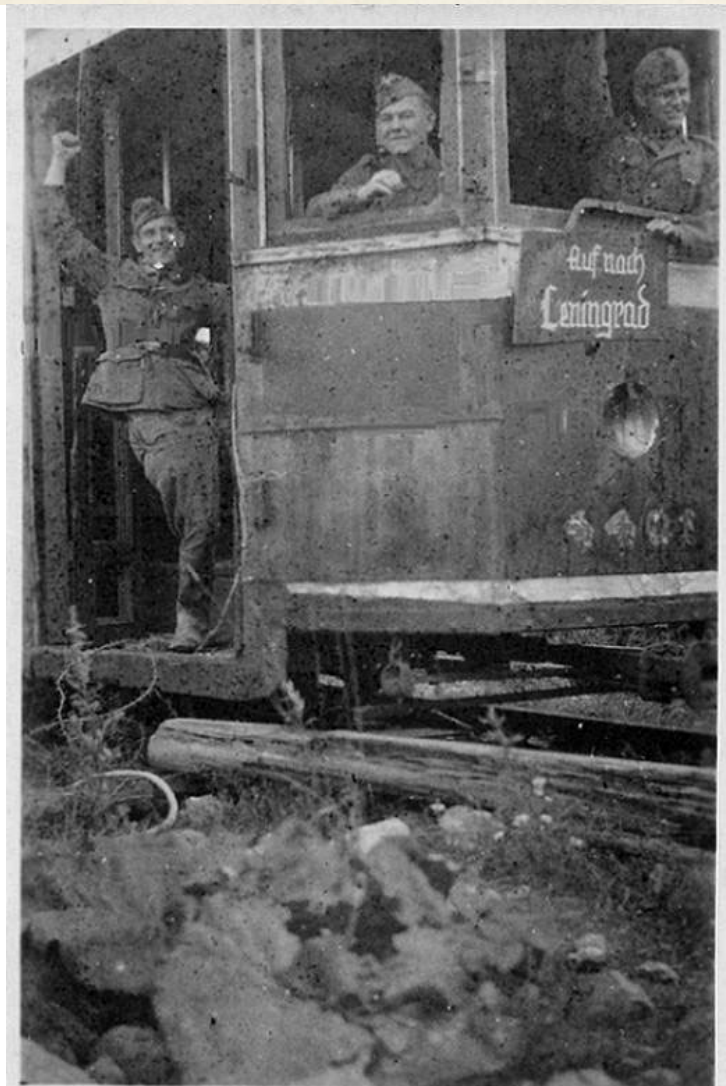
piter-tram.de
Strassenbahnen in St. Petersburg

Zerstörte MS-Züge auf der Peterhofer Chaussee.
MS+Beiwagen | Petergofskoe Shosse | 40er Jahre

Serie 24 Der zweite Weltkrieg im Bild Bild 4

<http://oldsp.ru>

<http://oldsp.ru>

После войны Константиновский Дворец отстроили. В 1954 году здесь разместилось Ленинградское Арктическое училище, переехав с Большой Охты.

В 1970-е годы, пока мы учились, здание было в надлежащем состоянии. Правда вот, парк был в запустении. Но он пользовался популярностью не только у стрельнинцев, но сюда приезжали в выходные и из Питера. В том числе, и мои знакомые, с которыми Господь свел в 2001 году... Но тогда мы разминулись. Было еще не время...

В 1992 году наше училище было окончательно закрыто, переведено в Санкт-Петербург; роты слились с мореходным училищем. Арктическое училище умерло... Стал ветшать и Константиновский Дворец.

Помещения Дворца раздали разным непонятным конторам. И к 2000-ому году у бывших лаушников сердца кровью обливались...

Поэтому для нас возрождение Дворца, уже как Дворца Конгрессов, стало избавлением от боли за свою малую родину...

То, что сделано в 2000-ые годы можно назвать и чудом. Он восстановлен, он живет, став к тому же резиденцией президента России.

Герб п. Стрельна.

В XIX веке, в расцвет усадьбы, Стрельна получила свой герб. Его атрибуты относятся к императорской семье: двуглавый орел с императорской короной, шлем Александра Невского, золотую цепь ордена Андрея Первозванного. Сам герб Стрельны представляет собой круглый серебряный щит, в центре которого на голубом фоне расположены Андреевским крестом морской якорь и стрела, а над ними звезда. По геральдическим правилам голубой цвет означает красоту местности и величие; якорь - надежду моряков и наличие морского порта; стрела напоминает о

переименовании извилистой и самой большой на южном побережье реки Стрельна в Стрелку, в память прорытия Петром Великим прямого Портового канала; золотая звезда символизирует Полярную звезду - путеводителя мореходов, на которую сориентирован выход в море из стрельнинского порта, совпадающий с "перспективой" Петровского дворца (Портовой улицей). Это нашло отражение в девизе герба: "**Прямо и верно**" - на Полярную звезду. Строго на север направлены также каналы колоссального трезубца Константиновского парка. Серебряный щит окаймляют красные цветы, символизирующие обширное оранжерейное и садово-парковое хозяйство усадьбы.

И странное дело, как этот девиз перекликается с девизом многих полярников, взятого в память об антарктической экспедиции: *To strive to seek, to find and not to yield! Бороться и искать, найти и не сдаваться!* Эта строчка из стихотворения Альфреда Теннисона «Улисс» была написана на могильном кресте, где покоились участники антарктической экспедиции. 29-30 марта 1912 года погиб последний из ее участников: начальник экспедиции на Южный полюс капитан королевского флота Великобритании Роберт Фолкон Скотт...

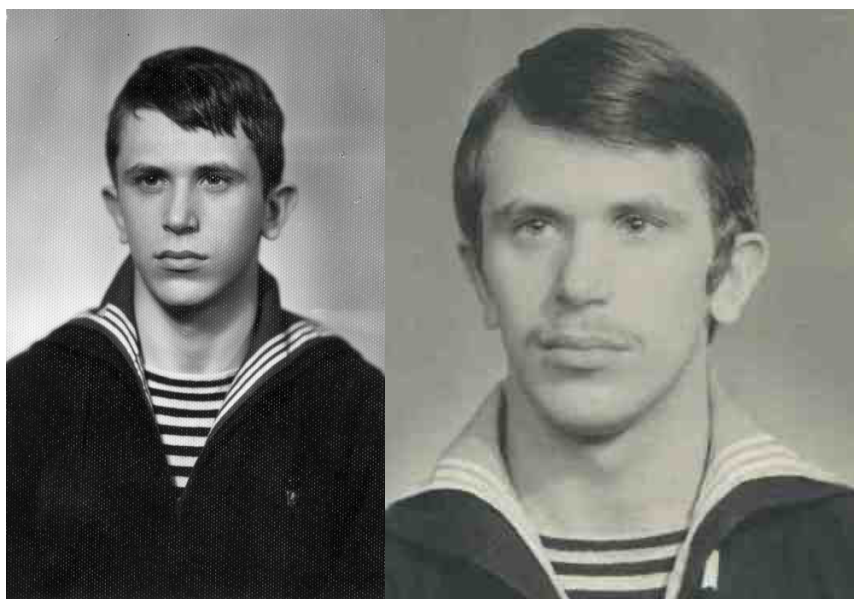
*Роберт Скотт со товарищи. Южный полюс. 1912 год.
Лето. Хотя и 17 января.*

Его подвиг и подвиг его команды изменили и мою жизнь, 12-летнего парнишки с Поволжья Нижегородского; после прочтения книги о нем и его дневников я заболел Арктикой и Антарктидой; и именно это знакомство меня еще в большей мере призвало к изучению английского языка. Но я еще в свои 12 лет не знал об Арктическом училище, ни о Стрельне.

*Практика на теплоходе «Юный Водник». 1969 (1970) г.
Горьковское детское речное пароходство.*

Ни о том, как я буду полярником или участником морских экспедиций. Но знал уже точно: буду! И готовился к этой жизни всерьез, изучая ее и по книгам, и готовя себя физически.

ЛАУ. Ленинград-Стрельна. 1972-76 гг.

PS

Заканчивая свое повествование, хочу сказать следующее: за все благодарю Господа Бога моего и нашего!

За то, что он меня провел такими дорогами, которые я и должен был пройти в познании не только мира сего, но и Истины. Жалею только об одном, что не прилепился к Нему раньше, вот именно в те годы...

Но понимая весь промысел над собой, понимаю и то, что именно так и должны были сложиться мое детство и юность. Ради того будущего, в котором сего дня пребываем. Суровое, лукавое, лживое, жестокое. Но именно для такой поры и закалял Господь в том числе и в те далекие годы... (Не обращал внимания прежде, а нынче: Роберт Скотт на Южном полюсе – в 1912 году; я поступил в ЛАУ - в 1972 году; а нынче – в 2022 году - отмечаю 50-летний юбилей вступления в братство полярников и моряков-исследователей; и свой юбилей – 65 лет от роду...)

Ностальгии нет.

Достаточно одной жизни! Тем паче, что она единственная и в единственном числе! Продолжение следует только в Вечности, после Страшного Суда Божия!

Достаточно и тех воспоминаний, что нахлынули сей час. И, как ни странно, больше горечи, потому что жил тогда без Бога...и как я мог выжить без Него?! И эта потому часть моей жизни – разве не чудо?!

Память святых 42 мучеников во АммоREE; обретение Честнаго Креста святой равноап.

Еленой –

Прп. отцев убиенных в обители св. Саввы (Израиль)

Лысково -Макарьев монастырь.

19 марта – 2 апреля 2022 г.